

Василий Васильевич Радлов

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1971**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1972

*Памяти академика
Василия Васильевича Радлова
посвящается*

«Люди уходят, но созданное ими остается, а то, что сделано В. В. Радловым за его долгую жизнь, так велико, что память о нем будет свято храниться».

С. Ф. Ольденбург

ХРОНИКА

ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ В. В. РАДЛОВА

С 11 по 14 июня 1968 г. в Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР состоялась Тюркологическая конференция. Она была посвящена памяти акад. В. В. Радлова (1837—1918), крупнейшего русского востоковеда конца XIX — начала XX в., одного из основоположников филологической школы отечественной тюркологии.

Как и в Тюркологической конференции 1967 г.¹, в ней приняли участие не только ленинградские тюркологи, китаисты и монголисты, но и широкий круг гостей — ученые Москвы, Казани, Баку, Тбилиси, Ташкента, Алма-Аты, Фрунзе, Кызыла, Тарту, Будапешта. Приветствия конференции прислали: проф. В. В. Решетов (Ташкент); акад. АН КиргССР проф. К. К. Юдахин (Фрунзе); директор Института истории и филологии СО АН СССР, Председатель Объединенного Совета по гуманитарным наукам СО АН СССР, член-корр. АН СССР А. П. Окладников; директор Института этнографии АН СССР, член-корр. АН СССР Ю. В. Бромлей; и. о. заместителя директора Института этнографии АН СССР А. М. Сабурова; акад. АН КазССР А. Х. Маргулан.

На двух пленарных заседаниях — 11 и 14 июня — было заслушано восемь докладов, в которых раскрывалась многолетняя плодотворная деятельность В. В. Радлова в самых различных областях тюркологии.

Первое пленарное заседание открыл член-корр. АН СССР, проф. А. Н. Кононов, который подчеркнул, что настоящая встреча тюркологов — скромная дань уважения заслугам В. В. Радлова, чье имя золотыми буквами вписано в историю тюркологии.

Научные заслуги В. В. Радлова и значение его трудов в разработке различных областей тюркологии, а также в накоплении лингвистических и фольклорных материалов по многим тюркским языкам были раскрыты в докладе А. Н. Ко-

¹ См.: «Народы Азии и Африки», 1968, № 2, стр. 241—244.

нонова «В. В. Радлов и отечественная тюркология». Докладчик отметил, что благодаря трудам В. В. Радлова наша тюркологическая наука поднялась на новую ступень и что по сей день исследования по истории, этнографии, культуре и языкам тюркских народов не могут быть успешными без творческого использования богатого наследия ученого.

Доклад акад. АН КазССР М. С. Сильченко (Алма-Ата) «В. В. Радлов и изучение тюркского фольклора» был посвящен монументальным трудам ученого — «Образцы народной литературы...», «Aus Sibirien» и «Сибирские древности». Докладчик раскрыл основополагающее значение этих работ для исследования фольклора ряда тюркских народностей; в них, по его словам, содержится богатый материал, по которому можно воссоздать структурный и жанровый состав тюркского фольклора, а также заложены основы комплексного исследования тюркского народного стиха.

В связи с докладом М. С. Сильченко выступил также акад. В. М. Жирмунский. Он отметил непреходящее значение труда В. В. Радлова «Aus Sibirien» для изучения этнографии и фольклора тюркских народов Сибири. Оратор внес предложение об издании этого классического труда на русском языке. Оценивая вклад В. В. Радлова в изучение тюркского стихосложения, В. М. Жирмунский подчеркнул, что именно В. В. Радлов дал науке богатейший тюркский фольклорный материал в точной записи и с высококвалифицированными переводами, которые и поныне служат источником для исследований многих ученых-нетюркологов, в том числе и зарубежных.

Э. Р. Тенишев (Москва) посвятил свой доклад «В. В. Радлов — фонетист и грамматист» истории формирования лингвистических взглядов В. В. Радлова (роль немецких языковедческих школ и казанской школы, в частности И. А. Бодуэна де Куртенэ), раскрытию его фонетической и грамматической концепций. Он подчеркнул, что в трудах ученого нашли свое отражение идеи компаративизма и представление о фонетике как об исторически изменяющейся, динамической системе языка.

В докладе С. И. Вайнштейна (Москва) и С. Г. Кляшторного (Ленинград) «В. В. Радлов — историк, этнограф и археолог» была раскрыта деятельность ученого в области исследования истории и культуры народов Центральной и Средней Азии, Южной Сибири, археологии Сибири и Алтая, его организационная деятельность в области создания первого этнографического центра в России (Музей антропологии и этнографии Академии наук), были рассмотрены гипотезы В. В. Радлова, объясняющие специфику исторического разви-

тия охотничьих и кочевых народов Центральной Азии и Южной Сибири. Докладчики отметили, что В. В. Радлов ввел в научный оборот большое количество достоверных сведений о быте и культуре тюрков Сибири, которые до него либо совсем не были известны в ученном мире, либо были известны в искаженном виде.

На следующем пленарном заседании А. М. Щербак (Ленинград) в докладе «В. В. Радлов и изучение рунических памятников» говорил о деятельности В. В. Радлова по изучению древних тюркских письменных памятников; об организации им академической экспедиции в Монголию, обследовавшей памятники на местах; об их издании; о роли В. В. Радлова в первом прочтении и переводах крупнейших из них, а также о последующем лингвистическом изучении не только орхонских, но и многочисленных енисейских памятников; о трудах В. В. Радлова, подводящих итоги его исследовательской работы в этой области.

Новый этап научной деятельности В. В. Радлова, связанный с изучением им древнейших тюркских памятников из Восточного Туркестана, нашел свое отражение в докладе Д. М. Насилова (Ленинград) «В. В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников». Докладчик рассказал о принципах издания В. В. Радловым древнеуйгурских текстов и дал характеристику взглядов ученого на язык этих памятников и на место этого языка среди других древних и современных языков.

О значении известных лексикографических трудов ученого шла речь в докладе Л. Ю. Тугушевой «В. В. Радлов — лексикограф и лексиколог».

Доклад Г. Ф. Благовой (Москва) «В. В. Радлов и изучение тюркской топонимии» был посвящен выявлению топонимического богатства, сосредоточенного в трудах ученого. На материалах двух томов «Aus Sibirien» прослеживалась методика полевого сбора топонимии, не уступающая современной, и приемы топонимического анализа. Работа исследователя над «Образцами народной литературы тюркских племен» позволила ему ввести в научный обиход топонимию многих других ареалов, а в «Опыте словаря тюркских наречий» сделана первая попытка собрать топонимию всего тюркоязычного региона.

12 и 13 июня были проведены симпозиумы по двум темам — лингвистической и историко-культурной, — разработка которых была начата в свое время в трудах В. В. Радлова «Фонетическая и морфологическая структура слова в тюрк-

ских языках» и «Уйгуры и их роль в этнической и культурной истории Центральной Азии и Южной Сибири».

На заседаниях симпозиума 12 июня было заслушано 16 выступлений. Симпозиум открыл Э. В. Севортян (Москва). Он отметил, что вопрос о морфологическом строении слова в тюркских языках впервые был выдвинут и принципиально освещен именно В. В. Радловым в его широко известной работе «*Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türkisprachen*». И хотя со времени появления в свет названной работы В. В. Радлова прошло 65 лет, ученые и поныне пользуются ею как теоретической базой в своих исследованиях, так или иначе соприкасающихся с вопросом о строении слова в тюркских языках.

Секрет живучести этой небольшой работы В. В. Радлова — в проницательном отборе наиболее существенных особенностей строения тюркского слова, в тонком моделировании — как мы сказали бы сейчас — структуры слова в языках тюркской генеалогической общности.

В самые последние годы тюркское языкознание начинает вновь возвращаться к теме о строении слова. Попытки такого рода наметились еще несколько десятилетий тому назад в исследовании покойного К. Грэнбека «*Der türkische Sprachbau*» (København, 1936), но последовавшие затем работы зарубежных туркологов ничего существенного к соображениям К. Грэнбека не добавили.

После лингвистической дискуссии 1950 г. в советском языкознании вопрос о морфологическом строении слова занял прочное место в ряду теоретических проблем, привлекающих к себе неослабевающее внимание языковедов.

Строению слова в различных языковых семьях — помимо целого ряда книг и многих статей — была посвящена специальная дискуссия, состоявшаяся в Ленинграде. В ней приняли участие также туркологи.

С начала 60-х годов весьма заметно продвинулась разработка соответствующих разделов грамматик по тюркским языкам, касающихся структуры слова. Последовала серия кандидатских и докторских диссертаций на данную тему.

Если в одних из них суть дела свелась к детализации и конкретизации уже известных положений В. В. Радлова, то в других, как, например, в докторской диссертации С. У. Усманова, была сделана попытка к разграничению в живом слове, как коммуникативной единице, речевых и структурных элементов.

В последние годы стали появляться специальные разделы о морфологическом строении слова в расширенных грамматических описаниях.

Накопились новые наблюдения, выработались или вырабатываются новые точки зрения, наметились новые направления исследований.

Все эти факты говорят об актуальности и своевременности темы настоящего симпозиума, говорят о полезности взаимной информации и обмена мнениями по классической «радловской» теме морфологического строения слова в тюркских языках.

Затем выступил А. М. Щербак (Ленинград). Он отметил важное значение изучения фонетических особенностей слога в тюркских языках как комплексной фонологической единицы, изложил некоторые результаты своих исследований в этой области, остановился на ряде спорных вопросов структуры древнетюркского слога. А. М. Щербак высказал мнение, что в тюркском языке слоги имели ту же структуру и организацию, что и в современных тюркских языках.

Ф. А. Ганиев (Казань) посвятил свое выступление явлениям конверсии в татарском языке, заключающимся в том, что «одно и то же слово в одной и той же форме в зависимости от контекста может относиться к разным частям речи». Он сопоставил это явление с аналогичными явлениями в романских и германских языках. По его мнению, «конверсия в татарском языке является одним из основных способов словообразования».

Некоторые вопросы фонетической структуры отдельных слов в монгольских языках на основе этимологических сопоставлений их с соответствующими тюркскими словами были затронуты в выступлении Т. А. Бертагаева (Москва).

В сообщении Г. П. Мельникова (Москва) была предпринята попытка показать взаимосвязь между морфологической и фонологической структурой слова в тюркских языках с позиций системного подхода, при котором равное внимание уделяется как структуре, так и субстанции языка. Строй тюркских языков рассматривается Г. П. Мельниковым как система, определяющей чертой (детерминантой) которой является «принцип экономии аффиксов», обуславливающий важнейшие особенности языка на всех уровнях.

Следует ряд очевидных выводов, вытекающих из формулировки детерминанты тюркского строя.

При тенденции к экономии аффиксов чистый корень должен в определенных контекстах функционировать как самостоятельное слово. Экономия в оформлении корней ведет к необходимости выражения части грамматической информации с помощью корней и, следовательно, к увеличению числа корней во фразе. Возрастает роль строгого порядка слов, общего контекста, опоры на «логику вещей». Эффективность

выражения грамматической информации позиционными средствами делает не только излишней, но и вредной специализацию слов по частям речи. Это в свою очередь предполагает сведение всех типов синтаксических отношений к возможному минимуму: уточняемое — уточнение и тема — рема. Требование членораздельного произношения корневых цепочек приводит к необходимости наличия гласных и согласных в корне, а увеличенный (по сравнению, например, с русским) остаток корней во фразе ведет к укорачиванию длины корней. Отсюда — тенденция к их однослоговости. Аффиксы, которые хотя и экономно, но добавляются к корням, также должны быть членораздельными и, следовательно, по рассмотренным причинам тяготеть к однослоговости. Потребность исключения из слова любого грамматического значения, выраженного аффиксами, если соответствующая информация стала очевидной из контекста, приводит к необходимости закрепления за аффиксами минимума грамматических значений, а сами аффиксы должны легко вычленяться из любого места цепочки морфем и легко объединяться в цельнооформленное слово. Для легкости вычленения аффиксов в языке развиваются средства, обеспечивающие прозрачность морфемного стыка, отсутствие фузии согласных, а нагрузка по обеспечению цельнооформленности падает на гласные, и в связи с этим развивается гармония гласных. Функциональная роль чередования гласных делает необходимой ясность акустической противопоставленности гласных, что приводит к развитию богатых по составу симметричных систем гласных. Корень как обязательный компонент слова должен быть максимально распознаваем и потому акустически максимально стабилен; сингармонически варьироваться могут лишь гласные аффиксов. Но состав согласных в аффиксах не должен препятствовать варьированию гласных, поэтому в аффиксах должны легко закрепляться акустически «податливые» согласные, такие, как сонорные. Наоборот, сингармоническая независимость корня должна сопровождаться очевидностью его сингармонической принадлежности как ведущего звена в цепи, поэтому согласный первого слога должен сам помогать первому гласному задавать нужный сингармонический тембр. Сонорные в этой роли выступать не могут, и в процессе эволюции тюркского строя они должны были в начале корня исчезнуть или превратиться в несонорный согласный. Второй согласный корня находится в противоречивом положении, поэтому здесь лишь в определенных случаях наблюдаются переходы сонантов в несонанты, например, *p* в *з* или *л* в *ш*.

Детерминантный анализ позволяет объяснить и другие особенности строя тюркских языков. Так, если учесть, что

семантически рема высказывания является конкретизированной темой, а конкретизация, при экономии аффиксов, должна выражаться в форме атрибутивных цепочек, то становится понятно, почему так часто в тюркском предложении подлежащее прямо или косвенно повторяется в сказуемом. При этом вычленимость фразы в потоке фраз наиболее эффективна в тех случаях, когда совпадающие или соотносимые части темы и ремы охватывают предложение как скобками. Поэтому желательно, чтобы уточняющие элементы ремы стояли перед уточняемыми, а необходимость однотипности синтаксических структур распространяет это правило на любые атрибутивные цепи. Отсюда же вытекают тенденция к однотипности интонационного рисунка тюркской фразы, стремление вложить сложную мысль в рамки унифицированной структуры атрибутивной ремы и все другие характерные черты тюркского строя.

Таким образом, знание детерминанты и учет как структурной, так и субстантивной информации позволяют убедиться в том, что все в языке системно взаимообусловлено, и изолированное рассмотрение только одного яруса языка в настоящее время уже недостаточно эффективно.

Д. Кара (Будапешт) говорил о структуре монгольского слова в сравнении со структурой слова в тюркских языках. Он указал при этом на некоторые фонетические и морфологические явления (флексия, префиксация, парные слова), которые мало привлекались для типологических исследований, и подчеркнул необходимость проследивать историю каждого отдельного слова.

Содержательное сообщение Э. В. Севортяна (Москва) было посвящено ряду проблем морфологической структуры тюркского слова. Речь шла об автономности и определяющем грамматическом статусе основы, с одной стороны, и подчиненном характере изменяемой части слова — с другой; о неизменности основы слова в синхронном плане; о закономерностях последовательности морфем в словах разной морфологической структуры и семантическом строении грамматической части слова в парадигматическом плане (моно- и полисемантность аффиксов, эллипсис аффиксов в случаях грамматической избыточности и т. д.), а также о типах морфологического членения слова на лексическую и грамматическую части. Э. В. Севортян подчеркнул, что для выяснения морфологического строя слова необходимо обращение не к истории языка, а к изучению продуктивного функционирования аффиксов.

В. И. Цинциус (Ленинград) показала необходимость использования сравнительно-исторических данных и приема

внутренней реконструкции для изучения структуры слова в языках агглютинативного строя.

С. А. Атамйрзаева (Ташкент) посвятила свое выступление некоторым нехарактерным для других тюркских языков фонетическим особенностям структуры узбекского слова.

Оценка отдельных фактов фонетики и морфологии различных тюркских языков в свете «принципа экономии аффиксов», изложенного Г. П. Мельниковым, содержалась в выступлениях Г. Ф. Благовой (Москва), Л. А. Покровской (Москва), А. Н. Кононова (Ленинград), В. И. Асланова (Баку), В. Г. Гузева (Ленинград), А. М. Щербака (Ленинград).

Подводя итоги дискуссии, председательствующий, Э. В. Севортян, сказал, что обмен мнениями на настоящем симпозиуме был плодотворным и полезным. Важно, что участники симпозиума получили представление о ведущихся исследованиях в данной области или же по темам, так или иначе соприкасающимся с темой о строении слова в тюркских языках.

На симпозиуме были высказаны некоторые ценные пожелания. Первое среди этих пожеланий — оно разделяется всеми — это регулярность туркологических собраний. Хотя языковедные проблемы разрешаются не на симпозиумах или конференциях, периодическая взаимная информация и обмен мнениями важны как способ координации и консолидации научных исследований. Второе пожелание, высказанное рядом участников, касается актуальности вопросов, которые будут выноситься для обсуждения на будущих собраниях.

В заключение Э. В. Севортян выразил свою признательность за проведенный симпозиум и от имени всех участников поблагодарил А. Н. Кононова за проделанную под его руководством большую работу по организации симпозиума о строении слова в тюркских языках.

На заседаниях симпозиума 13 июня выступили 15 участников конференции.

В сообщении С. И. Вайнштейна (Москва) на основании археологического, этнографического, исторического и лингвистического материала была показана сложность вопроса о происхождении тувинского народа. Несомненно участие древних уйгуров в этногенезе как западных, так и восточных тувинцев.

Э. Р. Тенишев (Москва) согласился с выводами С. И. Вайнштейна. В своем выступлении он коснулся роли древних уйгуров в этнических процессах Южной Сибири и Центральной Азии. Для решения этой проблемы Э. Р. Тенишев предложил исследовать следующие взаимосвязи: древние уйгуры — тувинцы, древние уйгуры — якуты, древние

уйгуры — современные уйгуры, древние уйгуры — желтые уйгуры, древние уйгуры — дунгане, древние уйгуры — монголы.

Б. С. Сулейменов (Алма-Ата) подчеркнул роль В. В. Радлова как просветителя и предложил издать его избранные труды в переводе на русский язык и научную биографию ученого.

А. А. Гаврилова (Ленинград) высказала предположение о том, что «сросткинскую» культуру, которую раньше связывали с кыргызами, можно отнести к уйгурам. На это указывает появление новой культуры и нового антропологического типа в конце VIII в. Найденная докладчицей на Енисее серебряная чаша (чарка) с уйгурской надписью согласуется с бытованием на Саяно-Алтае сросткинского типа поясов. Те и другие сходны с уйгурскими изображениями чаш и поясов из Турфана.

Г. В. Исхаков (Алма-Ата) остановился на вопросе об этнических и культурных связях древних и современных уйгуров.

А. М. Щербак в своем выступлении указал на необходимость выделения и различия нескольких аспектов проблемы уйгуров: культурно-исторического, этнического и языкового. В языковом отношении уйгурская проблема должна решаться на основе разделяемого многими тюркологами положения о наибольшей близости к древнеуйгурскому языку языков юго-восточной («уйгуро-карлукской») и южной («огузской») групп.

Г. П. Супруненко (Фрунзе) рассказала о новых китайских материалах, свидетельствующих о намеренном разжигании китайцами вражды между уйгурами и кыргызами в IX в., после поражения уйгуров в 840 г.

Д. Кара (Будапешт) в своем выступлении коснулся той роли, которую сыграли уйгуры в развитии культуры и языка монголов. В первый — если не считать уйгуро-киданьских связей — период этого влияния, в XIII—XIV вв., монголы через посредство уйгуров заимствовали алфавит, книгопечатание и буддийскую культуру, создали письменность. Монгольский язык этого периода является важным источником для изучения лексики уйгурского языка. Второй период — XV—XVI вв. — связан с усилением приверженности монголов к буддийской культуре, которая сопровождалась обновлением их культурной жизни. Фрагменты монгольской коллекции С. Е. Малова, хранящиеся в ИВАН СССР, относятся к этому периоду (монгольский текст фрагментов снабжен уйгурскими колофонами). Докладчик заметил, что выявление тюркских народностей, которые были носителями уйгурского литературного языка, представляет значительный интерес.

Об уйгуро-тангутских исторических и культурных связях рассказал Е. И. Кычанов (Ленинград), который отметил значительное влияние уйгуров на распространение буддизма среди тангутов и на формирование тангутской иконописи. Уйгуры, пришедшие после разгрома их кыргызами в район Ганьчжоу (пров. Ганьсу), столкнулись с местным населением: китайцами, тибетцами и, видимо, согдийцами. Позднее, в XI в., на этой территории происходили военные столкновения уйгуров с тангутами, в результате которых уйгуры Ганьчжоу попали под власть тангутов.

С. М. Абрамзон (Ленинград) в выступлении, касавшемся киргизо-уйгурских связей, отметил, что уйгурский элемент принимал участие в этногенезе народов Средней Азии, в том числе и киргизов, предки которых в X—XII вв. имели этнические контакты с уйгурами и карлуками. Уйгуры сыграли определенную роль и в этногенезе киргизов Синьцзяна. Историко-культурные связи уйгуров и киргизов проявляются и в материальной, и в духовной культуре, хотя в языке подобных связей не наблюдается.

С. Г. Кляшторный (Ленинград) коснулся в своем выступлении наиболее важных проблем, стоящих перед уйгуроведами. К таким проблемам относятся: периодизация истории уйгуров, исследование и публикация источников, выявление роли уйгурской культуры и ее влияния на культуры других народов.

Вне основной программы конференции были заслушаны информационные сообщения Н. А. Баскакова (Москва) и В. И. Цинциус (Ленинград) об очередной сессии «Постоянной международной алтаистической конференции» (PIAC), проходившей 2—6 июня 1968 г. в Копенгагене, и доклад А. С. Тверитиновой (Москва), посвященный некоторым нерешенным проблемам турецкого феодализма.

А. С. Тверитинова обратила внимание присутствующих на три аспекта ленной системы в Османской империи: 1) характер и объем владетельных прав сипахиев; 2) состав тимарного владения; 3) хозяйственная деятельность ленных владельцев. Докладчица пришла к выводу, что турецкие ленники не только вели войны и получали доходы с владений, но сами активно и постоянно занимались хозяйственной деятельностью в своих имениях. Большую часть своих земель они обязаны были сдавать в аренду райятам, но при этом следили за состоянием их хозяйства, посевами, доходами и пр. Их личный чифтлик носил название хассá. На его землях феодал содержал скот и обрабатывал его с помощью отработочной ренты крестьян. А. С. Тверитинова отметила, что военная система в Османской империи не препятствовала раз-

витию феодализма, как утверждают турецкие и некоторые другие исследователи.

Выступавший в порядке обсуждения доклада А. С. Тверитиновой А. Д. Новичев (Ленинград) отметил, что, несмотря на давнюю и активную в наши дни разработку проблемы феодализма в Османской империи, нерешенных вопросов по этой проблеме больше, чем решенных, причем юридическая сторона вопроса изучена лучше, чем фактическая. А. Д. Новичев предложил обратить особое внимание на исследование османских дефтеров и статистического материала, чтобы получить реальное представление о формах проявления издольщины, о хозяйственной деятельности сипахиев в тесной связи с городской жизнью, о проблеме оседлого и кочевого населения и др.

В. П. Курылев (Ленинград) высказал предположение, что в Турции в феодальный период существовала сельская община. Он подчеркнул, что в современной турецкой деревне есть явления, свидетельствующие в пользу этой гипотезы.

Н. А. Дулина (Ленинград) в своем выступлении отметила чрезвычайную важность вывода о хозяйственной деятельности турецких феодалов, сделанного А. С. Тверитиновой, для выяснения сущности проблемы османского феодализма и ее дальнейшего исследования.

Председательствующий А. Н. Кононов (Ленинград) предложил организовать семинар по проблеме турецкого феодализма.

На конференции было принято решение обратиться к издательству «Советская энциклопедия» и Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» с просьбой ускорить публикацию двух лексикографических трудов Э. Н. Наджиба: «Уйгурско-русский словарь» и «Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV в.».

В резолюции, принятой участниками конференции, подчеркивается «чрезвычайная важность объединения усилий в разработке кардинальных научных проблем тюркологии и периодических встреч ученых для их обсуждения». В ней также говорится: «Конференция считает необходимым провести в будущем году 3-ю Туркологическую конференцию в Ленинграде, посвященную столетию со дня рождения П. М. Мелиоранского. Конференция вновь подтверждает мнение о необходимости создания Ассоциации тюркологов и проведения Всеобщего тюркологического съезда».

14 июня участники конференции возложили венки на могилу В. В. Радлова на Лютеранском кладбище Ленинграда.